
М.Ю. Сорокина

РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
VERSUS РУССКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕМА И СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ
«РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

История современной цивилизации — это история свободных и вынужденных, безвозвратных и временных, внешних и внутренних миграций народов, этнических общностей и разнообразных конфессиональных, экономических, политических, социокультурных сообществ. Изучение общих тенденций и специфики миграций различных профессиональных групп, в том числе научных специалистов, переживает в настоящее время расцвет в мировой и российской историографии¹. Проблема «кризисных» миграций ученых, т. е. вынужденных перемещений научных кадров и институций вследствие военных действий, социальных и / или природных катаклизмов, остается важнейшей реперной точкой для историков науки. Ее анализ дает обширные материалы для ответов на вопрос, в какой мере «потери» того или иного научного сообщества влияли и влияют на масштабы, темпы, направления, тематику и методологию научных исследований в различных странах и в конечном счете — на уровень их цивилизационного развития и место в современном мире.

¹ См.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; *Нитобург Э.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970. М., 2005; *Горелик Б.М.* Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007; *Ван Чжичэн.* История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008; *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008; *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция. М., 2008; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; *Русская колония в Тунисе. 1920–2000* / Сост. К.В. Махров. М., 2008; *Ронин В.К.* «Русское Конго»: 1870–1970: В 2 т. М., 2009; *Williams R.* Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941. Ithaca; L., 1972; *Johnston R.* «New Mecca. New Babylon»: Paris and the Russian Exiles. 1920–1945. Kingston, 1988; *The Other Russia: The Experience of Exile* / Ed. by M. Glenny, N. Stone. L., 1990; *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N. Y.; Oxford, 1990; *Hassel J.* Russian Refugees in France and the United States Between the World Wars // Transactions of the American Philosophical Society. 1991. Vol. 81. Pt. 7; *Kröhn C.-D.* Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research. Amherst, 1993; *Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* / Hrsg. von K. Schlögel. München, 1994; *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe (1919–1989). P., 1996; *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in the Russian Empire During the First World War. Bloomington, 1999; *Raymond B., Jones D.* The Russian Diaspora, 1917–1941. Lanham, 2000; *Darjeva T.* Russkij Berlin, Migranten und Medien in Berlin und London. Münster, 2004; *Tinguy A., de La grande migration. La Russie et les Russes depuis l'ouverture du rideau de fer.* Plon, 2004; *Kopnina H.* East to West Migration: Russian Migrants in Western Europe. Aldershot, 2005; *Luksic I.* Ruski emigranti u Hrvatskoj izmeou dva rata: rubovi, memorija, Zagreb, 2006; *Gousseff-Klein C.* L'exil russe. La fabrique de réfugié apatride (1920–1939). P., 2008 и др.

Между тем на протяжении всего советского периода российской истории покинувшие страну ученые на официальном уровне именовались «предателями» и «отщепенцами», а изучение феномена «научной миграции» было табуировано, и как следствие — подлинные количественные масштабы, формы и соотношения естественной, вынужденной и насильственной миграций российских ученых в XIX–XX вв. до сих пор остаются неизвестными даже в академическом науковедении. Уже в наши дни данные о количественных параметрах и предметно-дисциплинарной структуре «утечки мозгов» в новой России, на рубеже XX–XXI вв. продолжают носить характер вероятностной экспертной оценки². Несмотря на обильную риторику, российская власть и общество по-прежнему недостаточно сознают, что научные специалисты — важнейший стратегический ресурс любого современного общества, который можно и нужно тщательно оберегать, учитывать и поддерживать, а обширная зарубежная научная диаспора — уникальный ресурс интеллектуального влияния в мире.

Отсутствие адекватного общественного и научного представления о роли и месте российской научной диаспоры в современном мире, на наш взгляд, не в последнюю очередь связано с тем, что ее историческая судьба остается до сих пор скорее обозначенным, чем описанным и тем более осмысленным феноменом. До сих пор российское научное зарубежье не осознается как своеобразный, самодостаточный, многомерный, исторический и / или актуальный социокультурный мир со своей собственной структурой разнообразных отношений, интересов и мотиваций, оказывавший и продолжающий оказывать огромное воздействие на развитие науки и цивилизации, а также на формирование образа России в инокультурных пространствах. К сожалению, российская историография не располагает ни одной монографией, анализирующей историю российской научной диаспоры как самостоятельный феномен; отсутствуют сводные списки русских научных учреждений и центров за границей, биографические справочники научных работников, полные библиографии их трудов и о них³. Образ российского научного зарубежья распадается пока преимущественно на биографии и достижения отдельных представителей научной диаспоры⁴.

² См.: Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России. М., 1993; Интеллектуальная миграция в России. СПб., 1993; Тихонов В., Долгих У., Леденева Л., Шапошников В. «Утечка умов»: потенциал, проблемы, перспективы. М., 1993; Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Минделли Л.Э. Эмиграция ученых: проблемы, реальные оценки. М., 1994; Некипелова Е.Ф. Эмиграция и профессиональная деятельность российских ученых за рубежом. М., 1998; Ушкалов И.Г., Малаха И.А. Утечка умов: масштабы, причины, последствия. М., 1999; Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М., 2001. См. также: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/>.

³ Это положение конечно не относится к философам и литературоведам российского зарубежья и в меньшей степени к историкам, по изучению наследия которых проделана значительная исследовательская работа.

⁴ См.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993; Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. Статистики русского зарубежья. СПб., 1998; Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000; Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001; Борисов В.П. Владимир Кузьмич Зворыкин. 1889–1982. М., 2002; Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. СПб., 2006; Балышев М.А. Отто Людвигович Струве,

Данная статья представляет некоторые общие соображения об объеме и содержании понятия «российское научное зарубежье», выросшие в ходе работы над проектом «Российское научное зарубежье. XIX — первая половина XX в.», осуществлявшимся в рамках научно-исследовательской программы Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына⁵.

ВОЛНЫ И ПОТОКИ: МИГРАЦИИ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ДО И ПОСЛЕ 1917 г.

История отечественной науки, складывающаяся из трех неразрывных составляющих — «дореволюционной» и «советской» науки⁶, науки «российского зарубежья» и «репрессированной» науки, — неотъемлемая часть сложного и нередко конфронтационного взаимодействия российского государства, общества и научного сообщества в XVIII–XX вв.

Миграции научных специалистов были известны в России с XVIII в. и примерно до середины XIX в. носили индивидуальный характер, нередко прямо связанный с неприятием российской действительности. Если минералог, член ряда европейских научных обществ граф Григорий Кириллович Разумовский (1759–1837) большую часть жизни провел в Швейцарии, Австрии, Моравии в силу личностных приоритетов, то отъезд за границу экстраординарного профессора греческого языка и древностей Московского университета Владимира Сергеевича Печерина (1807–1885), часто именуемого первым российским ученым-эмигрантом, уже мотивировался вполне определенными идейными причинами, а многолетнее пребывание во Франции историка и генеалога князя Петра Владимировича Долгорукова (1816/17–1868) прямо диктовалось политическим противостоянием российским властям, обрекшим князя на «вечное изгнание».

Вторая половина XIX в. была отмечена значительным увеличением притока в Европу недовольных политическим режимом российских подданных, многие из

1897–1963. М., 2008; *Шестаков В.П.* Русские в британских университетах. СПб., 2009; Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков: Материалы международного научного colloquium. Москва, 23–25 сентября 2009 г. М., 2010; *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010 и др. См. также статьи коллективного проекта «Российские ученые и инженеры — эмигранты (1920–50-е годы)», опубликованные в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/>.

⁵ Предварительные материалы публикуются на сайте Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына: www.domrz.ru (раздел «Материалы и исследования»), а также в научной печати (см.: *Сорокина М.Ю.* Снова востоковеды...: Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» // *Диаспора: Новые материалы*. 7. Париж; СПб., 2005. С. 619–682; *Sorokina M.* Das Russische wissenschaftliche Ausland — biobibliographisches Lexikon und russische Wissenschaftler deutscher Abstammung // *Pfreppe R. (Hgg.) Medizin-, Pharmazie- und Wissenschaftsgeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart: Festschrift für Ingrid Kaestner zum 65. Geburtstag*. Aachen, 2007. S. 301–320 и др.).

⁶ Эти определения используются исключительно как маркеры отнесения к определенной хронологической эпохе.

которых были профессиональными учеными и навсегда связали свою карьеру с европейскими научными институтами⁷. Так, покинувший Новороссийский университет в знак протеста против полицейского произвола выдающийся микробиолог Илья Ильич Мечников (1845–1916), в дальнейшем второй российский Нобелевский лауреат (1908), с последней четверти XIX в. и до конца жизни работал в Пастеровском институте во Франции, а его старший брат Лев (1838–1888), известный социолог и географ и еще более знаменитый сподвижник итальянского революционера Джузеппе Гарибальди, — в Италии и Швейцарии. Уволенный за вольнодумство из Московского университета в 1887 г. социолог, историк и этнограф Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) жил в основном в Великобритании и Франции, выступая с лекциями по приглашениям университетов и частных фондов в Стокгольме, Оксфорде, Брюсселе, Чикаго и др.

Еще один мощный миграционный канал в этот период был связан с дискриминационной политикой российских властей, отказывавших женщинам в праве получения высшего образования в российских университетах. Только в период с 1887 по 1917 г. и только в швейцарских университетах учились более 17 тыс. россиянок⁸. Многие из них не вернулись на родину и сделали блестящую научную карьеру на Западе, как, например, Анна Александровна Тумаркина (1875–1951), ставшая первой в Европе женщиной — преподавателем философии и профессором Бернского университета.

Значительный еврейский миграционный поток конца XIX — начала XX в. также унес из России сотни молодых людей, впоследствии составивших славу мировой науки. Достаточно назвать имена знаменитого ассиролога и шумеролога, профессора Пенсильванского университета (Филадельфия, США) Сэмюэля Крамера (1897–1990) и известного специалиста по детской психологии, писателя и общественного деятеля, основателя и президента Американской ассоциации групповой психотерапии Самуэля Славсона (1890–1981).

Наконец, нельзя не упомянуть и о том, что немало научных специалистов высшей квалификации было и в составе российской революционной эмиграции до 1917 г.⁹ Философ, психолог, экономист, литератор, член ЦК РСДРП Александр Александрович Богданов (1873–1928), живший и работавший в Швейцарии и Италии, и историк Михаил Николаевич Покровский (1868–1932), значительную часть своих главных исторических трудов создавший в эмиграции во Франции, — пожалуй, одни из самых ярких представителей этой немалочисленной страты. Отметим также, что представители именно этого направления российской эмиграции войдут после 1917 г. во все высшие административные структуры новой,

⁷ См., например: Любина Г.И. Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1996; Гутнов Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М., 2004.

⁸ См.: Tikhonov N. Das weibliche Gesicht einer «wissenschaftlichen und friedlichen Invasion»: Die ausländischen Professorinnen an den Schweizer Universitäten vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1939 // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2005. Bd. 6. S. 99–104.

⁹ См.: Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Ю. Шеррер и Б.В. Ананьича. СПб., 1997.

советской власти и фактически сформируют каркас управленческого аппарата советского государства 1920-х гг.

На всем протяжении XIX — начала XX в. репрессивная политика царского правительства вызывала не только внешнее миграционное движение научных специалистов — из России в Европу и США, но и в значительной степени определяла внутренние трудовые и насильственные миграции. Директивное перемещение профессуры из столичных в провинциальные университеты было одним из важных инструментов государственной кадровой политики в области образования, имевшим откровенно усмирительный характер. Между тем постоянно практиковавшаяся административная ссылка инакомыслящих и инакодействующих образованных граждан Российской империи в Сибирь и отдаленные губернии часто приводила к последствиям, которые совсем не прогнозировались карательными органами: в местах изгнания создавались небольшие, но очень мобильные академические сообщества, которые, с одной стороны, оказывали демократическое влияние на развитие местной общественной жизни, а с другой — способствовали просвещению и научной колонизации окраин империи. История становления и развития Томского университета, первого университета, созданного в азиатской части России в 1878 г., — классический пример такого сотрудничества образованных ссыльнопоселенцев, в частности польского происхождения, и местной культурной элиты¹⁰.

История взаимодействия российской власти и научного сообщества, конечно, не исчерпывалась конфронтацией и неприятием. На рубеже XIX–XX вв., в эпоху трансформации Российской империи из аграрной державы в индустриальное общество, российская интеллигенция, и научное сообщество в особенности, накопившие значительный интеллектуальный, научный, технологический и общественный потенциал, вступили в интенсивный диалог с имперской властью и новой российской буржуазией, чтобы инвестировать свои идеи, знания, опыт непосредственно в модернизацию страны. Отвечая на вызов времени, российская государственная власть в лице наиболее дальновидных представителей высшей бюрократии (С.Ю. Витте, П.А. Столыпин и др.) также делала попытки модифицировать политический, социально-экономический и культурный ландшафты стареющей империи и приглашала российских интеллектуалов к участию в этом процессе в невиданном ранее масштабе¹¹. Процесс активного вовлечения научных специалистов в правящие государственные структуры был интенсифицирован в России Первой мировой войной (1914–1918). Неудивительно, что после военных неудач на фронте и падения монархии (февраль — март 1917 г.) новое российское Временное правительство едва ли не наполовину состояло из университетских профессоров и членов Российской академии наук (историк Павел Николаевич Милюков (1859–1943), востоковед Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), кристаллограф и минералог Владимир Иванович Вернадский (1863–

¹⁰ См.: Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.

¹¹ См.: Власть и наука. Ученые и власть. 1880 — начало 1920-х гг.: Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003; *Kremensov N. Stalinist Science*. Princeton, 1997; *Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics*. Basingstoke, 1997 и др.

1945) и др.), что ярко продемонстрировало власти и обществу заявку российской научной элиты на управление государством.

Однако системный социальный кризис 1917–1921 гг., вызванный Первой мировой войной, революциями 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войной, создал принципиально новый исторический контекст для развития науки и ее институций. Он кардинально изменил характер и условия научной деятельности в России, ее персональную и институциональную карты. В отличие от других европейских стран, переживших подобный кризис, например Германии, где после смены политического режима происходило более или менее постепенное восстановление научного потенциала созданных еще в докризисное десятилетие исследовательских и образовательных институций, в России одним из важнейших следствий социальных катаклизмов стал разлом некогда единого российского научного сообщества на «метрополию» и «диаспору».

Сразу после 1917 г. по разным причинам захваченные «революционной стихией» тысячи научных специалистов различной квалификации и статуса — от студентов университетов до действительных членов Императорской / Российской академии наук — бежали из России самостоятельно или уходили с белыми войсками. Значительная часть этих специалистов вынужденно покинула страну в зрелом возрасте по политическим мотивам. Другие оказались «за границей» в результате распада Российской империи и создания новых государственных образований (Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония). Многие в недалеком будущем известные ученые еще детьми были вывезены родителями, а некоторые родились уже в эмиграции.

Советский режим очень быстро юридически закрепит разделение своих граждан на две неравновеликие группы — «возвращенцев» и «невозвращенцев»: уже Декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г. предусматривал лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов¹². Таким образом все беженцы Гражданской войны, в том числе научные специалисты, автоматически отсекались от родины и фактически обрекались на депрофессионализацию в новой иноязычной и инокультурной среде.

С начала 1920-х гг. научные работники, уже как прямые идеологические и классовые враги, стали целенаправленно высылаться советской властью за границу¹³. Осознав свою гражданскую чуждость и бесперспективность профессиональной карьеры при новом режиме, некоторые ученые с середины 1920-х гг. стали сами покидать СССР, используя легальные возможности зарубежных командировок, международных конференций и работы по грантам различных американских и европейских благотворительных научных фондов (ректор Горной академии Дмитрий Николаевич Артемьев (1882–1945/46), физик-теоретик Георгий Антонович

¹² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1922. № 1. Ст. 11.

¹³ См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ: 1921–1923. М., 2005; Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М., 2010.

Гамов (1904–1968), математик и астрофизик Владимир Александрович Костицын (1883–1963) и др.). Негативный резонанс этих бегств настолько обеспокоил большевистских руководителей, что под их давлением в 1927 г. АН СССР вынужденно ввела в новый устав положение об исключении своих членов «ввиду утраты связи с АН СССР». Всего через год, 15 декабря 1928 г., этот пункт был использован для исключения целой группы академиков и членов-корреспондентов, покинувших Россию после Октябрьской революции (академик, антиковед Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), академик, филолог-славист Владимир Андреевич Францев (1867–1942), член-корреспондент, историк церкви Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937) и др.) и восстановленных в своих академических правах только в 1990 г.¹⁴

После череды бегств ответственных сотрудников Кремля и ОГПУ постановление ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. окончательно закрепило политический контент юридического статуса «невозвращенца», объявив ими граждан СССР, работавших за границей и «перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства», отказываясь вернуться в СССР¹⁵. Они объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию имущества и расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Мера оказалась довольно эффективной — поток «бегущих» хотя и не иссяк, но заметно уменьшился¹⁶.

В то же время многие ученые российского происхождения продолжали работать за границей, сохраняя советский паспорт, но и не возвращаясь в СССР. Для этих «неформальных невозвращенцев» вопрос гражданства и национально-государственной принадлежности ученого был глубоко вторичен по сравнению с пониманием природы науки как интер- / наднационального института. К этой группе в разные годы принадлежали выдающиеся ученые — академик В.И. Вернадский, физик, будущий нобелевский лауреат Петр Леонидович Капица (1894–1984), генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981), славист, член-корреспондент Академии наук Николай Николаевич Дурново (1876–1936) и многие другие. В конце 1920-х гг. часть из них возвратилась в СССР (В.И. Вернадский, В.Н. Дурново), где им были предложены лучшие по сравнению с Европой условия работы, а часть, отвергнув в середине 1930-х гг. жесткий ультиматум советских властей — вернуться или лишиться гражданства (как академики-химики Владимир Николаевич Ипатьев (1867–1952) и Александр Евгеньевич Чичибабин (1863–1945)), стала юридическими «невозвращенцами» и навсегда осталась за рубежом¹⁷. В то

¹⁴ Отметим, что Петр Бернгардович Струве (1870–1944) остается единственным из исключенных в 1928 г. действительных членов Академии, так и не восстановленным в ней до сих пор. Подробнее см.: Трагические судьбы членов АН СССР / Сост. И.Г. Арефьева. М., 1995.

¹⁵ СССР. Собрание законов. 1929. № 76.

¹⁶ *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009. Кн. 1.

¹⁷ Кроме того, некоторые «полезные» для советской власти ученые насильно вывозились или оставлялись в СССР, как, например, в 1934 г. это случилось с П.Л. Капицей (см.: *Есаков В.Д.* Почему П.Л. Капица стал невыездным // *Вестник РАН.* 1997. № 6. С. 543–553), а позднее — с Н.В. Тимофеевым-Ресовским (см.: *Бабков В.В., Саканян Е.С.* Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: 1900–1981. М., 2002).

же время немало научных специалистов с советским подданством (как биофизик Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) или Н.В. Тимофеев-Ресовский) продолжали работать в европейских научных институтах на протяжении всех 1930-х гг. и позже.

Таким образом, основные потоки научных миграций XIX — первой половины XX в. совпадают с типологией и периодизацией российских миграций в целом¹⁸. Однако воздействие разных волн научных миграций на развитие науки в России / СССР было различным и по глубине, и по масштабам.

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОНСТРУКТ И / ИЛИ ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Если в советской историографии истории науки факты бегства / выезда / невозвращения ученых просто игнорировались, то в перестроечное и постперестроечное время, когда появилась значительная литература о российской эмиграции, стало принято считать, что стресс эмиграцией имел (и имеет до сих пор) преимущественно негативные последствия для российской науки¹⁹.

Действительно, в результате неожиданной и резкой «утечки мозгов» в 1917–1921 гг. ряд дисциплинарных научных сообществ советской метрополии на годы вперед оказался кадрово обескровленным, а в ряде случаев и вовсе подорванным. Так, например, Россию покинули все научные специалисты в ранге докторов и профессоров международного права. Более трети своего персонального состава потеряли такие важнейшие для нормального существования любого государственного и общественного организмов профессиональные сообщества, как инженерное и медицинское²⁰.

Однако общее количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных из России в период 1917–1921 гг., остается до сих пор неизвестным²¹. И причин тому — несколько. Во-первых, отсутствие системы регистрации ученых-беженцев. Если «мартирологи» русской науки время от времени публиковались в советской России / СССР в 1921–1924 гг., то учетом научных специалистов зарубежья занимались уже только в научных институтах диаспоры. Первой и последней попыткой собрать воедино комплексные сведения о персональной, дисциплинарно-институциональной и географической структуре, а также опубли-

¹⁸ О периодизации истории российской эмиграции см.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье... С. 18–19.

¹⁹ См., например: *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция: судьбы и цифры // *Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.* Сб. ст.: СПб., 2003. Кн. 2. С. 165.

²⁰ Профессор К.К. Васильев считает, что общее число врачей-беженцев в 1918–1922 гг. составило около 2500 человек, подавляющее большинство из них имело степень доктора медицины и опубликованные труды (см.: *Васильев К.К.* Российские врачи-беженцы в Европе между мировыми войнами // *Зарубежная Россия. Кн. 2.* С. 169).

²¹ См.: *Колчинский Э.И.* Наука и эмиграция... С. 165–166.

кованных научных работах ученых российского зарубежья остаются изданные еще в 1931 и 1941 гг. Русским научным институтом в Белграде «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940)». Согласно данным этого института, на 1931 г. было зарегистрировано 472 ученых, преподавателей университетов и высших технических школ, научно работавших вне России²². Однако «Материалы...» отразили персональный состав и научные труды преимущественно той части российских ученых, которая группировалась вокруг русских эмигрантских учреждений в традиционных центрах российского рассеяния (Прага, Белград, Берлин, Париж, Харбин и др.) и так или иначе поддерживала контакт с институтом, отвечая на его запросы. В то же время в этом издании минимально представлен тот обширный и влиятельный сегмент специалистов российского научного зарубежья, которые работали в научных институциях стран пребывания, а также имена и труды российской научной молодежи, профессионально подраставшей уже в условиях жизни в диаспоре.

Другая причина явно заниженной численности российского научного зарубежья до Второй мировой войны — понятийная неоднозначность используемых терминов: что называть «зарубежьем» и кого и по каким критериям считать «ученым» и / или «эмигрантом» в этот период — кажется нам еще более существенной.

Как известно, институционализация научного знания в России происходила на рубеже XIX–XX вв., когда границы современной «академической науки»²³ и ее дисциплинарных сообществ только формировались. Сегодня принадлежность к научному цеху маркируется, как правило, совокупностью атрибутов — образование, профессиональный статус (позиция), ученая степень, научные труды, членство в научных обществах и т. д. Применительно к России начала XX в. каждый из приведенных критериев может работать в отдельности. В этот период отсутствие позиции в научном учреждении или научной степени ни в малой степени не сказывалось на «научности» исследовательской деятельности специалиста.

Так, например, находившиеся на государственной службе дипломаты формально к «ученому сословию» не принадлежали. Но, много лет работая в зарубежных странах, они нередко сочетали изучение новейшей политической и социально-экономической ситуации с интересом к древней истории, традициям и культуре народов. Особенно это было характерно для российских дипломатов в азиатских странах, которые собирали коллекции древних рукописей и публиковали корпус важнейших междисциплинарных страноведческих исследований, признаваемых ныне классикой востоковедения (Николай Владимирович Ханьков (1819–1878), Владимир Федорович Минорский (1877–1966), Василий Петрович Никитин (1885–1960) и др.). Российские военные также интенсивно изучали

²² См.: *Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940)* / Под ред. Е.В. Спекторского. Белград, 1931–1941. Вып. 1–2. Эта работа существенно дополнена, см.: *Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг.: Библиография с биографическими данными об авторах*: В 3 ч. Прага, 1996.

²³ То есть науки, сосредоточенной в различных академиях, университетах и других высших учебных заведениях.

восточные окраины России и сопредельных азиатских стран и территорий²⁴. Тысячи работ по географии и статистике, общей и военной истории, этнографии, демографии, лингвистике, археологии и др., опубликованные ими, составили золотой фонд отечественной ориенталистики, до сих пор не до конца исчерпанный. Значительный вклад в изучение российской истории и филологии внесли многие коллекционеры и меценаты, не только собравшие огромный корпус материальных и письменных источников, но и успешно занимавшиеся атрибуцией и изучением отдельных памятников (Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924), Мария Клавдиевна Тенишева (1867–1928) и др.). Наконец, самое активное участие в деятельности дореволюционных научно-технических обществ принимали инженеры, работавшие в различных областях промышленности, техники и сельского хозяйства (Вадим Павлович Аршаулов (1859–1942), Юрий Владимирович Ломоносов (1876–1952), Владимир Иванович Юркевич (1885–1964) и др.). Несомненно, при наличии печатных научных работ и изобретений все они могут и должны быть причислены к российскому научному цеху начала XX в.

Критерий участия в жизни национального научного сообщества и наличия печатных научных работ на национальном языке, по нашему мнению, — важнейший для отнесения специалиста к категории ученых и к тому или иному научно-дисциплинарному сообществу. Руководствуясь им, в состав российского научного зарубежья целесообразно включать ученых из тех стран, которые получили национально-государственную самостоятельность в результате распада Российской империи (Финляндия, Польша, прибалтийские губернии)²⁵, если они в течение многих лет работали и / или публиковались в России, а также сотрудников Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), часть из которых имела советское гражданство, но принимала активное участие в научных изданиях зарубежья²⁶. В то же время, на наш взгляд, к российским ученым следует причислять и некоторых специалистов, имевших иное, не российское гражданство, но тесно связанных с Россией обстоятельствами рождения, образования и научной деятельности.

Таким образом, к категории ученых относится вся дисциплинарная номенклатура специалистов, работавших на ниве российской науки со второй половины XIX в., — от богословов, историков церкви, военных историков и инженеров, дипломатов, краеведов, педагогов и представителей национальных движений, принимавших участие в организации и проведении научных исследований, до действительных членов и членов-корреспондентов Императорской Академии наук / Российской академии наук / Академии наук СССР²⁷.

На наш взгляд, понятие «российское научное зарубежье» может быть сформулировано как совокупность всех специалистов, имевших печатные научные труды

²⁴ См.: Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005.

²⁵ Иной взгляд см.: Решетов А.М. Российские этнографы и антропологи-эмигранты: времена, люди и судьбы // Радловские чтения 2004: Тезисы докладов. СПб., 2004. С. 65–72.

²⁶ Библиографию см.: Bakich O. Harbin Russian Imprints. N. Y.; P., 2002.

²⁷ По нашим подсчетам, до 1925 г. Россию / СССР покинули 7 действительных членов, 18 членов-корреспондентов и 7 почетных членов РАН / АН СССР.

и принимавших участие в деятельности российского научного сообщества, — граждан Российской империи / Российской республики / СССР / Российской Федерации, по различным причинам покинувших страну и / или работавших длительное время за рубежом. В отличие от исторической традиции и широко распространенной практики именовать эмиграцию «русской», вносящих дезориентирующий этнический компонент в сложное социокультурное и по сути наднациональное явление, употребление термина «российский» служит здесь индикатором правового статуса ученого — его гражданства. Предлагаемое понимание объема и содержания категории «российское научное зарубежье» (= российская научная диаспора) существенно расширяет его прежние границы и изменяет его содержательные и количественные параметры. Приводимые до сих пор в историографии данные о научных беженцах после 1917 г. лишь в малой степени отражают истинный размер научных потерь России в начале XX в. Их корректировка позволит существенно изменить представления о масштабе влияния этого фактора на развитие советского общества и стран, принявших российских ученых-беженцев.

В то же время характер и структура изменений персонального состава различных дисциплинарных сообществ российской науки после 1917 г. имели свои особенности.

Одной из тяжелейших и наиболее ощутимых на протяжении многих десятилетий потерь для гуманитарных наук был отъезд ряда крупнейших ученых — признанных лидеров в своих научных дисциплинах. Достаточно напомнить, что антиковедение и византистика лишились таких выдающихся специалистов, как академики Михаил Иванович Ростовцев и Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), члены-корреспонденты АН Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) и Александр Александрович Васильев (1867–1953) и др.

Также за пределами СССР оказалось более трехсот специалистов, занимавшихся изучением разных периодов истории, культуры, экономики стран Востока²⁸. Разумеется, утрата такого количества образованных кадров не могла не отразиться на состоянии «науки о Востоке» в СССР, и прежде всего в тех страноведческих и функциональных сегментах, которые понесли наибольшие потери. Однако, в отличие от других гуманитарных сообществ, востоковедение в значительной мере сохранило свои ведущие академические кадры. Несмотря на благоприятные возможности для эмиграции (регулярные зарубежные командировки) и размышления на эту тему²⁹, никто из академиков-востоковедов не воспользовался предоставившимися возможностями³⁰.

²⁸ Следует иметь в виду, что эта цифра охватывает специалистов по Востоку из разных профессиональных сообществ — военных, дипломатов и др. См.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 3 [Пилотный]: Востоковедение: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.

²⁹ См., например, об этом в письмах выдающегося академика-индолога Ф.И. Щербатского академику В.И. Вернадскому: «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публ. и примеч. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. 6. Париж: СПб., 2004. С. 638–645.

³⁰ Единственное исключение — тюрколог Владислав Лудвигович Котвич (1872–1944), первый ректор Петроградского института живых восточных языков, который в ноябре 1923 г. репатриировался в Польшу и уже после этого, 1 декабря 1923 г., был избран членом-корреспондентом РАН.

Большинство востоковедов, ушедших в эмиграцию, были людьми молодыми, в основном приват-доцентами. Насколько этот урон был значим для дальнейшего развития ориенталистики в нашей стране, показывает небольшой перечень имен ученых, оставшихся за рубежом, — японист Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975), тюркологи Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970) и Владимир Федорович Минорский (1877–1966), синологи Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939) и Игорь Павлович Митрофанов (1892–1943), египтологи Владимир Михайлович Викентьев (1882–1960) и Григорий Иванович Лукьянов (1885–1945), кавказоведы Николай Георгиевич Адонц (1871–1942) и Георгий Васильевич Баев (1869–1939).

То, что стало потерями для российского научного сообщества и российского национального самосознания в целом, обернулось значительным приобретением для мировой науки. Российские ученые — беженцы или выходцы из эмигрантских семей — оказали значительное влияние на становление восточных страноведческих школ американской науки. Приват-доцент Петроградского университета Сергей Елисеев создал и возглавил в 1930-е гг. в Гарварде крупнейший научный центр синологии и японоведения. Историк и политолог Александр Адамович Беннигсен (1913–1988), в 1919 г. вывезенный родителями из России, сформировал школу американских специалистов по мусульманству советской Средней Азии и Закавказья. Барон Петр Алексеевич Будберг (1903–1972), специалист по сино-алтайским языкам, ранней истории китайской культуры и китайской классической письменности, с 1940 г. руководил кафедрой востоковедения Калифорнийского университета в Беркли. Георгий Александрович Ленсен (1923–1978) стал крупнейшим американским экспертом по российской внешней политике и международным отношениям на Дальнем Востоке в XIX–XX вв. и с 1949 г. почти тридцать лет возглавлял кафедру востоковедения во вновь открытом университете штата Флорида. Так парадоксально, во многом благодаря именно революционным катаклизмам, российское востоковедение существенно расширило свое влияние на развитие мировой науки о Востоке. Однако ни в энциклопедии «Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции»³¹, ни в трех изданиях многотомного справочника С.Д. Милибанд, посвященного востоковедам СССР и России³², нет имен отечественных ориенталистов, работавших вне России / СССР в первой половине XX в.

Научно-медицинское сообщество было одним из самых крупных, консолидированных и влиятельных в российском научном зарубежье после 1921 г.³³ Про-

³¹ См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. См. рецензию на это издание известного историка востоковедения и этнологии А.М. Решетова (Этнографическое обозрение. 2000. № 1. С. 165–167).

³² См.: Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов: В 2 т. М., 1995; Она же. Востоковеды России: XX — начало XXI в.: Биобиблиографический словарь: В 2 кн. М., 2008. Исключение составляют Н.А. Невский и Ю.Н. Рерих. В последнем по времени издания словаре С.Д. Милибанд упомянуты несколько востоковедов, покинувших СССР в 1970-е гг. (А.М. Пятигорский, Е.С. Семякина и др.), но без указания на их научную и преподавательскую деятельность за рубежом.

³³ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 1 [Пилотный]: Медицинские науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.

фессора и приват-доценты университетов бывшей Российской империи, почти каждый из которых имел свой медицинский факультет с обширной сетью исследовательских лабораторий, институтов и клиник, всегда сохраняли и поддерживали тесные корпоративные связи. Они образовали несколько основных центров медицинского зарубежья, не всегда совпадавших с центрами российской эмиграции. Одними из самых значительных и стабильных научно-медицинские диаспоры стали в Балканских странах, прежде всего в Болгарии (София) и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. — Югославия; Белград и Загреб), стремившихся использовать огромный интеллектуальный потенциал российских беженцев и предложивших им хорошие условия для профессиональной работы. Так что в начале 1920-х гг. на медицинском факультете Софийского университета из двенадцати кафедр семь возглавляли российские беженцы (хирург Георгий Ермолаевич Рейн (1854–1942), психиатр Николай Михайлович Попов (1854–1939), невропатолог и психиатр Алексей Эрастович Янишевский (1873–1936), гистолог Александр Федорович Маньковский (1868–1946), физиолог Василий Васильевич Завьялов (1873–1930), анатомы Илья Федорович Шапшал (1878–1949) и Владимир Петрович Воробьев (1876–1937). Славянские государства оказались для многих российских медиков-ученых не только временным прибежищем, но местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. В отличие от некоторых коллег, вынужденно утративших в изгнании высокий социальный и профессиональный статус, в Болгарии и КСХС немало российских специалистов стали основоположниками научных школ и направлений, основателями институтов, клиник, лабораторий, музеев, создателями новых учебников и программ³⁴. Дети многих из них полностью адаптировались к новому культурно-историческому и социально-политическому ландшафту и навсегда остались в этих странах, внося большой вклад в развитие национальной науки и образования.

Основными центрами российского психологического сообщества в зарубежье стали США и Чехословакия. Космополитичная атмосфера Праги, где до Второй мировой войны одновременно работали чешские, русские, украинские, белорусские, немецкие, французские университеты и институты, кружки и семинары, а также существовала особая интеллектуальная среда, целенаправленно сформированная на основе концентрации российских научных работников самого разного профиля, весьма способствовала преподавательской и научной деятельности таких известных российских психологов старшего поколения, как Николай Евграфович Осипов (1877–1934) и Григорий Яковлевич Трошин (1874–1938)³⁵. Между тем молодые психологи российского происхождения, в основном

³⁴ См.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах...; Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция; Литвищенко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007; Пушкадия-Рыбкина Т.В. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; Русское зарубежье в Болгарии: история и современность / Сост. С.А. Рожков. София, 2009.

³⁵ См.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Психология в истории российского научного зарубежья // История отечественной и мировой психологической мысли: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М., 2006. С. 223–229.

получившие образование в Германии, на рубеже 1930-х гг. переместились в США, где сразу начали работать в американских университетах и госпиталях, печатались по-английски и принимали участие в американской «русской» жизни опосредованно — в основном через личные контакты и тематику исследований, например изучая психологический статус «перемещенных» лиц после Второй мировой войны. Практически все попавшие в США психологи российского происхождения стали очень известными специалистами в своих областях³⁶.

В то же время многие научные специалисты российской диаспоры в полной мере испытали трудности поиска и актуализации новой персональной и профессиональной идентификации в изменившемся социально-культурном и языковом пространстве. Оказавшись рассеянными по разным государствам и континентам, многие специалисты среднего поколения и особенно научная молодежь оставили профессию, не сумев адаптироваться к местным общественно-политическим, социальным и институциональным реалиям.

Однако, как всякое системное потрясение, стресс эмиграцией обернулся для российского научного организма в целом и существенным позитивным импульсом. Значительная часть ученых диаспоры приняла участие в формировании параллельного большевистской России научного пространства — широкой национальной научной инфраструктуры на всех континентах, от Европы до Австралии, — собственных институтов, академических групп, обществ, профессиональных союзов, издательств, журналов, учебных заведений разных уровней. По разным причинам оказавшись за рубежом, российские ученые, как правило, стремились не терять личные и профессиональные связи с родиной. Абсолютное большинство из них, несмотря на политические, социальные, этнические и конфессиональные различия, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя частью российского национального научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения отечественных научных школ, расширяя таким образом их воздействие на развитие всей мировой науки и культуры — от Китая до Северной Америки и Австралии. Тем самым в урезанном варианте и на непродолжительное время, но было реализовано давнее, не находившее государственной поддержки в имперской России стремление многих российских ученых развивать научно-образовательную экспансию как инструмент расширения международного влияния отечественной науки³⁷.

Кроме того, многочисленная группа ученых-беженцев, прежде всего представителей естественных и технических дисциплин, сумела успешно интегрироваться в международное научное сообщество. В отличие от гуманитариев, например историков, создававших национальную научную инфраструктуру и тем самым об-

³⁶ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

³⁷ На рубеже XIX–XX вв. эту стратегию успешно проводили многие западные страны, создавая «немецкие», «французские» и т. п. институты в европейских столицах, благополучно существующие до сих пор. О единственном российском опыте подобного рода см.: Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.

рекавших себя на уход в глубь «национального тела» (что во многих случаях было весьма позитивным), естественники не имели возможности создать в эмиграции национальные научные институции, требовавшие больших материальных вложений. Отсутствие национальных форм стало важным стимулирующим фактором быстрой адаптации российских ученых к поначалу чуждой профессиональной среде и в конечном счете способствовало их скорейшей интеграции в мировую науку. Сделав успешную индивидуальную карьеру в научных институциях стран пребывания, многие из них стали основателями новых научных школ и направлений, возглавили лаборатории, институты или университетские кафедры. Оставаясь в институциональных и языковых пределах российской науки, без «шока» эмиграции, они бы вряд ли завоевали такой научный авторитет в масштабах всего мирового научного сообщества.

СОСТАВ И СТРУКТУРА: ПРИВЫЧНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНЫЕ ПРОПОРЦИИ

Российская научная диаспора внесла выдающийся вклад в мировую и отечественную научную и философскую мысль, развитие многих национальных научных сообществ и гражданских обществ стран-реципиентов в XX в. Достаточно назвать имена социолога Питирима Сорокина (США), физика Глеба Ватагина (Бразилия / Италия) и биофизика Бориса Раевского (Германия), химиков Владимира Ипатьева (США) и Маргариты Андронниковой (Германия), математиков Абрама Безиковича (Великобритания) и Мориса Крайчика (Бельгия), астрономов Сергея Гапошкина (США) и Николая Доница (Румыния), инженеров и конструкторов Владимира Зворыкина и Игоря Сикорского (США), микробиолога Сергея Виноградского (Франция) и физиолога Глеба Анрепа (Великобритания / Египет), медиков Алексея Янишевского (Болгария) и Михаила Лапинского (Югославия / Аргентина), экономистов Петра Струве (Франция / Югославия) и Оскара Андерсона (Германия), правоведов Всеволода Базанова (Франция) и Бориса Нольде (Франция / Швейцария), историков Михаила Ростовцева (США) и Георгия Вернадского (Чехословакия / США), филологов Михаила Попруженко (Болгария) и Фаддея Зелинского (Польша), востоковедов Сергея Елисева (США / Франция) и Владимира Минорского (Великобритания), психологов Елены Антиповой (Швейцария / Бразилия) и Константина Гаврилова (Чехословакия / Аргентина), философов Николая Бердяева (Франция) и Федора Степуна (Германия) и многих, многих других специалистов, чтобы представить масштаб и глубину воздействия мысли и творчества российских ученых на самые разные стороны жизни и научной деятельности принявших их стран.

Возможно, именно удачная профессиональная карьера, сохранение своего социального статуса, культурной и этнической идентичности, и, следовательно, невозможность доказательства тезиса об «оторванности от родной почвы» как причине научного бесплодия оказались причиной того, что история судеб российских ученых, реализовавших свой интеллектуальный потенциал за рубежом, до сих пор остается малоизвестной в России. Между тем без детального просо-

пографического исследования этнической, конфессиональной, географической, возрастной и дисциплинарной составляющих российского научного зарубежья невозможно понять ни сам этот феномен в его исторической статике и динамике, ни то, как, когда и почему возникают и в какой мере реализуются миграционные настроения научных специалистов сегодня.

Проект Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына по созданию многотомного биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье» направлен на комплексное изучение истории российской научной диаспоры. В его рамках проводится по возможности полная инвентаризация персонального состава всей субкультуры российского научного зарубежья: выявление, концентрация и верификация биографической и библиографической информации об ученых российского происхождения, по различным причинам покинувших Российскую империю / СССР и работавших за рубежом преимущественно в период с XIX в. вплоть до 1991 г. (распада СССР)³⁸.

Как известно, справочно-биографическая литература является одним из важнейших хранителей и трансляторов исторической памяти общества. Биографические справочники научных специалистов, опубликованные в советское время, предлагали, часто вопреки желанию их авторов, весьма искаженную картину развития науки в России / СССР, исключая информацию о судьбах и научном вкладе репрессированных и эмигрировавших ученых. В последние десятилетия российская наука обогатилась словарными историко-биографическими исследованиями, основанными на изучении широкого круга архивных источников и восстанавливающими незаслуженно забытые имена³⁹. Историография российской эмиграции также накопила определенный опыт создания справочно-биографической литературы⁴⁰.

³⁸ В 2010 г. опубликованы первые три пилотных выпуска словаря, посвященные медицинскому, психологическому и востоковедческому сообществам (см. выше).

³⁹ См., например: Профессора Томского университета: Биографический словарь: В 2 вып. Томск, 1996–1998; Российская академия наук: Персональный состав: В 2 кн. М., 1999; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Биологические и медико-биологические науки: Биографический словарь. СПб., 2003; Они же. Московские профессора XVIII — начала XX века. Естественные и технические науки. М., 2003; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура XVIII — начала XX в. Химические науки: Биографический словарь. СПб., 2004; Басханов М.К. Русские военные востоковеды; Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII — начала XX века. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006.

⁴⁰ См.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940): В 3 т. / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М., 1993–1997; Осовский Е.Г. Деятели общественно-педагогического движения и педагоги Российского Зарубежья. 20–50-е гг. XX в.: 150 биографий. Саранск, 1997; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2007; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000; Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь: В 3 т. М., 2008. Т. 1 (А–К); Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009 и др. См. также: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. М., 2004–2005.

Однако работа в этом направлении, за исключением истории философской мысли и литературоведения, почти не затрагивает специально научное сообщество.

Проделанная на сегодня работа по составлению пилотных выпусков словаря — только первый шаг по освоению огромного пространства исторического и современного российского научного зарубежья, изучение которого, несомненно, требует исследования в рамках международного проекта. Но и уже полученные результаты позволяют сделать важные предварительные науковедческие выводы.

Собранные биографические материалы около трех тысяч научных специалистов убедительно разрушают гуманитароцентричный образ российского научного зарубежья первой половины XX вв. и вопреки распространенному в историографии мнению показывают преобладание естественно-научной и технической эмиграции над гуманитарной в этот период.

Если об изобретателе телевидения Владимире Кузьмиче Зворыкине (1889–1982) немало написано и показано в последние годы, то имена других инженеров и изобретателей российского происхождения, очень плодотворно профессионально работавших в США и Европе, известны мало. А ведь это были специалисты, определившие новый технологический облик современного мира.

Так, например, инженер-электронщик и изобретатель Александр Матвеевич Понятов (1892–1980), выпускник Казанского университета и Московского технического училища, с 1927 г. жил в США и работал в компании «Дженерал электрик». Здесь он стал одним из авторов технологии дистанционного управления телевизором, а в дальнейшем основал (1944) и возглавил корпорацию «Ампекс», известную множеством инноваций в области звукозаписывающих технологий, в том числе первыми образцами коммерческого магнитофона (1947) и видеоманитофона (1956). В то же время А.М. Понятов как попечитель в течение многих лет поддерживал благотворительный просветительский Фонд имени И.В. Кулаева. Президентом (1930–1947) и председателем правления (1947–1960) «Компании беспроводного телеграфа Маркони» стал другой выходец из России, инженер в области радиоэлектроники и телевизионной техники Дэвид Сарнов (1891–1971). В 1960-е гг. он возглавил Национальную радиовещательную корпорацию США (Эн-би-си).

Автором более 200 американских и зарубежных патентов, в том числе по разработке платформ для нефтяного бурения в Северном море, был инженер и изобретатель Сергей Александрович Щербатской (1908–2002), сын посланника Российской империи в Бразилии А.И. Щербатского (1874–1952) и племянник выдающегося российского индолога и тибетолога, академика Ф.И. Щербатского (1866–1942). В годы Второй мировой войны он сотрудничал с Манхэттенским атомным проектом, а после ее окончания основал и возглавил корпорацию «Геофизикал мэжерментс», занимавшуюся проблемами геофизического исследования нефтяных скважин.

Немало бывших российских инженеров, изобретателей и специалистов в области прикладных наук продолжили весьма продуктивно работать и в Европе, особенно во Франции и на Балканах. Так, известный владелец частного изобретательского бюро в Петрограде в годы Первой мировой войны инженер-конструк-

тор Иван Иванович Махонин (1895–1973), разрабатывавший новые виды вооружений (реактивные снаряды, бронебойные пули, авиационные торпеды и др.), успешно продолжил эти исследования во Франции. Профессор прикладной механики Киевского и Юрьевского политехнических институтов Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954) возглавил в эмиграции в Югославии Институт механики Сербской академии наук и искусств (1947–1954), стал ее действительным членом и академиком-секретарем Отделения технических наук (1948–1954, с перерывами). Физикохимик, профессор Московского университета Иван Степанович Плотников (1878–1955), ученик нобелевского лауреата Вильгельма Оствальда, с 1920 г. возглавлял кафедру физики и физической химии Высшей технической школы в Загребе (КСХС), а затем стал основателем и директором Института физики и физической химии Загребского университета (ныне Хорватия). И подобных примеров — сотни.

Материалы пилотных выпусков словаря «Российское научное зарубежье» демонстрируют также преобладание в возрастной структуре научной эмиграции 1920–1930-х гг. научной молодежи, потеря которой имела и имеет исключительное значение для дальнейшего развития любой национальной науки. Высшее образование было для детей эмиграции не только социальным лифтом, но и средством быстрой профессиональной адаптации в новой среде. Так, руководителем проекта по созданию первого канадского атомного реактора был физик-теоретик, сын русского инженера-эмигранта Георгий Михайлович Волков (1914–2000). Вывезенный из России 10-летним ребенком, Волков окончил американскую гимназию в Харбине и Университет провинции Британская Колумбия в Канаде с золотыми медалями. Аспирант Р. Оппенгеймера по теоретической физике в Калифорнийском университете в Беркли (США), он единственный из ученых Канады был приглашен участвовать в Манхэттенском атомном проекте, а после Второй мировой войны возглавил отдел теоретической физики при Национальном научном совете Канады. Отметим, что его отец, в 1936 г. вернувшийся в СССР, был репрессирован.

Также увезенная родителями в детском возрасте в США, Татьяна Авенировна Проскурякова (1909–1985) окончила там среднюю и высшую школу в годы Великой депрессии, но, несмотря на это, сумела стать известным специалистом по древним архитектурным и письменным памятникам индейских племен и народов майя. Она много лет работала в археологических экспедициях в Мексике и Гондурасе и была сотрудником и почетным хранителем коллекций искусства майя Музея этнологии (Пибоди) Гарвардского университета (1958–1977), где занималась изучением и расшифровкой иероглифических письменных текстов⁴¹.

Женщины вообще занимали очень важное и значительное место в структуре российского научного зарубежья. Мы уже упоминали о том, что еще с дореволюционных времен они массово уезжали в Европу и США для получения высшего образования и нередко оставались за границей навсегда. Но и многие из тех, кто затем вернулся в Россию и попытался развивать профессиональную карьеру на

⁴¹ См.: Solomon C. Tatiana Proskouriakoff: Interpreting the Ancient Maya. Oklahoma, 2002.

родине, все-таки покинули ее после прихода к власти большевиков. Так, психолог Елена Владимировна Антипова (1892–1974), получившая образование в Сорбонне и Школе педагогических наук Э. Клапареда в Женеве, после высылки из России в 1922 г. ее мужа писателя В.Я. Ирецкого и тщетных попыток воссоединиться с ним, в 1926 г. уехала в Женеву и работала в знаменитом Институте Ж.-Ж. Руссо. В 1929 г. она приняла приглашение правительства Бразилии поработать в этой стране. Здесь Антипова стала основательницей новой психолого-педагогической системы для детей, нуждающихся в социальной и психологической коррекции, за что была неоднократно награждена бразильским правительственными наградами. Ныне в Бразилии существует Фонд и Институт имени Е.В. Антиповой.

Агрохимик княгиня Маргарита Карловна Андронникова (1876/1877–1932), в течение многих лет руководившая опытной станцией при Высшей сельскохозяйственной школе в Ревеле, уехала из России в 1920 г., а уже в 1923 г. она основала и возглавила Институт питания растений в Хохенгейме (Германия). Сегодня перед фасадом института стоит памятник княгине.

Одной из важных составляющих будущего биографического словаря «Российское научное зарубежье» являются материалы, характеризующие его сложный полиэтнический и мультиконфессиональный состав, который точно отражал имперский контекст развития отечественной науки и который не может быть редуцирован до имен только «русских» ученых.

Среди персоналий российской научной диаспоры было немало ученых германского, польского, татарского и другого происхождения. Так, санскритолог, тибетолог, буддолог, собиратель восточных рукописей барон Александр Августович фон Сталь-Гольштейн (1877–1937) в течение многих лет находился на российской дипломатической службе и преподавал на факультете восточных языков Петербургского университета. После революционных событий 1917 г. он принял эстонское гражданство, но жил в Пекине, где до своей кончины возглавлял Китайско-индийский институт Гарвардского университета (США).

«Нерусскозвучащие» фамилии нередко дезориентируют современных исследователей. Так, например, Ю.Н. Емельянов в новейшей монографии «История в изгнании» всерьез пишет о сотрудничестве польского историка А.А. Олесницкого с Русским научным институтом в Белграде⁴². Историк, конечно, ориентировался на польское звучание фамилии и не знал, что речь идет о российском востоковеде-тюркологе польского происхождения Алексее Акимовиче Олесницком (1888–1943), сыне профессора Киевской духовной академии А.А. Олесницкого (1842–1907), многолетнем сотруднике дореволюционного Министерства иностранных дел Российской империи, а в эмиграции преподавателе Загребского университета (КСХС).

Несмотря на то что представители гуманитарных дисциплин занимали достаточно скромное по количеству место в общем потоке российской послеоктябрь-

⁴² См.: Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008. С. 223.

ской научной миграции, именно они формировали «образ России» за рубежом через масс-медиа и университетское преподавание, а также благодаря обширным личным контактам в профессиональной среде, правительственных и общественных структурах зарубежных стран. Так, эмигрировавший в 1920 г. во Францию правовед Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (1892–1955) помимо преподавания в российских и французских высших учебных заведениях был в 1932–1936 гг. вице-директором Международного института истории Французской революции, а после отъезда в 1941 г. в США — директором Института сравнительного законоведения при Новой школе социальных наук в Нью-Йорке и вице-президентом Международной лиги по правам человека. Историки Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) и Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), преподававшие русскую историю соответственно в Гарвардском и Йельском университетах, стояли у истоков формирования практически всей генерации американских русистов и советологов периода «холодной войны».

Согласно нашим материалам география миграций российских научных специалистов охватывает все континенты — от Южной Америки и Австралии до Евразии и Африки. Такое «рассеяние» и разбросанность ученых свидетельствуют, с одной стороны, о проблемах профессионального устройства, а с другой — о высокой мобильности и адаптивности научного сообщества диаспоры. Оно сумело не только выжить в условиях новой языковой, культурной и профессиональной среды, но и занять в ней лидирующие или заметные позиции при сохранении своей «диаспоральной» принадлежности (персональные связи, институции, пресса). Изучение биограмм российских ученых, работавших за пределами Российской империи / СССР в конце XIX — первой половине XX в., показывает, что они сформировали сложное по структуре, но вполне определенно очерченное «российское научное зарубежье», объединенное не только единством происхождения и языком, но и внутренними профессиональными связями.

Проделанная к сегодняшнему дню работа далека от полного завершения; однако уже полученные результаты дают основания для пересмотра старых концептуальных подходов к анализу феномена российского научного зарубежья. Полагаем также, что введение в научный оборот многих новых имен ученых-отечественников и расширение сведений о них будут способствовать воссозданию подлинной социальной истории как российского научного зарубежья XIX–XX вв., так и отечественной науки в целом⁴³.

⁴³ Значительная часть работы по подготовке материалов пилотных выпусков словаря была проведена при поддержке грантов Российского гуманитарного научного фонда (№ 05-0303101а), которому приносим глубокую благодарность.